

Геннадий АБРАМЧЕНКО

Музыкальная критика утверждает, что Зеленской очень подошла бы партия Кармен. Одного взгляда на домашнюю одежду примы достаточно, чтобы согласиться.

— Английский. Сейчас стыдно и смешно вспоминать, но, когда раздавались международные звонки, я отключала телефон, чтобы не брать трубку. А потом меня такое зло взяло: неужели я до такой степени тупая?! Немецкий тоже знаю: могу общаться с режиссерами. С дирижером еще можно объясниться итальянскими терминами, но с режиссером это невозможно — нужно знать язык.

— Существуют ли для вас какие-то приметы и ритуалы?

— Да, я верю в них. Когда я приезжаю куда-нибудь, то должна обязательно пойти в храм, в собор, послушать духовную музыку. В Европе днем можно зайти в церковь и там услышать настоящий концерт. Ноги сами идут туда.

— Оперные дивы прошлого сами выбирали себе костюмы. А вы влияете на художника?

— Муж мне ставит в пример Вишневскую в этом смысле. Но я всегда думаю о художнике: он профессионал в своем деле. И вдруг я приду и начну ему диктовать — нет, это мне кажется неэтичным. Правда, в “Набукко” я настояла, чтобы мне сделали стеклярусные пуговицы. В Большом я сама гримируюсь, за исключением сложного грима типа Аиды.

— Артисты всегда рассказывают о театральных накладках, в которые они попадали. С вами тоже, наверное, случилось что-то забавное?

— Мне почему-то очень часто приходилось петь 2 января. Сами понимаете, в каком состоянии рабочие сцены... Однажды играли “Князя Игоря”. У меня сцена плача Ярославны — я стою на вершине, метров пять-шесть, высокий станок на колесах, который рабочие выдвигают из-за кулисы. И вдруг в тот момент, когда у меня кантиленная фраза, я ее пою, протягиваю руки, они резко дергают за этот станок. Я еле удерживаюсь на ногах, но перестать петь не могу. Я не помню, как все это допела — на автомате... В “Русалке” у меня проход вдоль всего задника сцены. В конце, уже в кулисе, должна стоять лестница, по которой я спускаюсь. В глаза мне светит яркий луч прожектора, я ничего не вижу... И вдруг слышу крик рабочего сцены: “Лена! Стоп!!!” Я останавливаюсь как вкопанная, ничего не видя и не понимая. Оказалось, что лестницу забыли поставить. Потом, когда я увидела пропасть, в которую я едва не ступила, то поняла, что это был бы просто конец. Так что уж не знаю, что страховать — голос или все остальное...

— В свое время “солист Большого театра” — это был очень высокий статус, социальный и материальный. Потом этот статус резко упал. И вот сейчас как будто что-то меняется. Вы чувствуете это на себе?

— Ощущаем, что что-то меняется, но медленно. Нам назначили грант, но это временно: через три года его могут отнять. Звание народной артистки для

«С Доминго мы репетировали «Бал-маскарад». Маэстро ставил этот спектакль как дирижер. Он замечательный. В каждый перерыв он мне звонил и говорил «браво» — хотел поддержать меня. На всех репетициях пел с нами».